ФГАОУ ВО «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра теории государства и права

КУРСОВАЯ РАБОТА

по курсу: «Теория государства и права»

на тему:

«Система источников права Мексики (Мексиканских Соединенных Штатов)»

Работу выполнила:
Студентка I курса МП факультета
6 академической группы
Вержен Мария Андреевна

Научный руководитель:
д.ю.н., проф.
Полдников Дмитрий Юрьевич

Москва, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА 8
§1. Понятие и соотношение категорий «источник права» и «форма права». 8
§2. Классификация и иерархия источников права: теоретический аспект.. 11
§3. Особенности источников права в романо-германской правовой семье. 14
ГЛАВА 2. СИСТЕМА ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА МЕКСИКИ 18
§1. Специфика формирования правовой системы Мексики. 18
§2. Конституция 1917 года и «Блок конституционности» как основа правовой системы. 20
§3. Законодательство и кодификация: федеральный и региональный уровни. 25
§4. Международные договоры в иерархии источников права Мексики. 29
ГЛАВА 3. РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ИНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ МЕКСИКИ 32
§1. Судебная практика (Jurisprudencia) как специфический источник мексиканского права. 32
§2. Общие принципы права и правовая доктрина. 37
§3. Обычай в мексиканском праве: сфера применения и значение..... 39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 42
БИБЛИОГРАФИЯ 45

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и новизна темы исследования. Категория источников права относится к числу базовых понятий юриспруденции. Именно через источники права в каждом государстве оформляется правовая система: с их помощью задаются механизмы возникновения юридических норм, их истолкования и практического применения.

Правовая система Мексиканских Соединенных Штатов представляет собой своеобразный пример того, как в пределах одной страны уживаются институты, свойственные разным правовым семьям. Будучи федеративной республикой, унаследовавшей континентально-европейские традиции, Мексика строит свой правопорядок вокруг кодифицированного закона. Однако наряду с этим в стране сформировался целый ряд институтов, близких по духу к англо-американской модели: речь идет прежде всего о «jurisprudencia» — обязательной судебной практике Верховного суда, которая в ряде случаев приобретает нормативное значение. Специфическое место занимает и «amparo» — процедура, служащая инструментом конституционной защиты прав личности.

В отечественной компаративистике системное исследование иерархии и взаимодействия формальных источников позитивного права Мексики с учетом новейших реформ и международных обязательств до настоящего времени не получило завершения. Актуальность настоящего исследования обусловлена растущим влиянием судебной практики в Мексике, что требует анализа баланса между законодательством и прецедентными нормами. Новизна работы заключается в системном рассмотрении мексиканских источников права через призму романо-германской правовой традиции, а также в анализе эволюции институтов «amparo» и «jurisprudencia» в современных условиях.

Объект исследования — правовая действительность Мексиканских Соединенных Штатов в части, касающейся формального закрепления и реализации правовых предписаний.

Предмет исследования — система формальных источников позитивного права Мексики (конституция, блок конституционности, законодательство, международные договоры, судебная практика «jurisprudencia», институт «amparo», общие принципы права, правовая доктрина, обычай), а также теоретические концепции, объясняющие их иерархию, юридическую силу и механизмы взаимодействия.

Цель исследования — установить специфику системы источников права Мексики как составной части ее правовой системы.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

1. раскрыть теоретико-методологические основы категорий «источник права» и «форма права»;
2. установить своеобразие источников права в романо-германской правовой семье;
3. охарактеризовать формальные источники позитивного права Мексики (Конституцию 1917 года, блок конституционности, федеральное и региональное законодательство, международные договоры);
4. исследовать роль «jurisprudencia», института «amparo» и прочих источников (общих принципов, доктрины, обычая) в мексиканском праве;
5. выявить иерархическое устройство источников права Мексики, характер их взаимодействия и определить место мексиканского правопорядка в романо-германской правовой семье;
6. раскрыть черты правовой системы Мексики, возникшие вследствие синтеза различных правовых традиций.

Состояние изученности темы. Отечественная компаративистика располагает рядом исследований, затрагивающих отдельные стороны мексиканского правопорядка: историко-правовое становление правовой системы Мексики раскрыто в работах Н. Г. Павловой, общая характеристика латиноамериканской группы романо-германской семьи дана в трудах А. Х.

Саидова и В. И. Лафитского, конституционное развитие стран Латинской Америки рассматривалось Н. Н. Марчуком и А. С. Никоновым, отдельные институты конституционного права испаноязычных государств — Е. Е. Панкиной; вопросы кодификации материального и процессуального гражданского права стран Латинской Америки получили развернутое освещение в работах В. В. Безбаха. Вместе с тем системного исследования, посвященного иерархии и взаимодействию формальных источников права Мексики с учетом конституционной реформы 2011 года и судебной реформы 2021 года, в российской науке до настоящего времени не проводилось. За пределами специального анализа отечественных правоведов остаются эволюция института jurisprudencia после реформы 2021 года, «блок конституционности» в его мексиканском варианте, а также соотношение государственного законодательства и обычного права коренных народов. Указанный пробел и определил направление настоящего исследования.

Научная проблема исследования состоит в том, что мексиканский правопорядок, причисляемый отечественной и зарубежной доктриной к романо-германской правовой семье, последовательно интегрирует институты, нехарактерные для континентальной традиции, — обязательная судебная практика «jurisprudencia», институт «amparo», открытый «блок конституционности» с международными договорами о правах человека на конституционном уровне. Возникает вопрос: позволяет ли система источников права Мексики по-прежнему относить ее к романо-германской семье и в чем состоит ее специфика на фоне иных национальных правовых систем этой правовой семьи.

Эмпирическая база исследования образована действующим нормативно-правовым материалом Мексиканских Соединенных Штатов: Политической конституцией 1917 года в действующей редакции, Федеральным гражданским кодексом 1928 года, Торговым кодексом 1889 года, Законом об ампаро 2013 года (в редакции 2018 г.), Декретом о реформе судебной власти от 11 марта 2021 года, рядом специальных федеральных

актов. Использованы также материалы судебной практики Верховного суда Мексики (Suprema Corte de Justicia de la Nación), доступные в реестре Semanario Judicial de la Federación, и материал, необходимый для сравнительно-правового анализа, представленный конституциями Французской Республики и Российской Федерации.

Методология исследования построена на сочетании общенаучных, специальных и частнонаучных методах правоведения. Среди общенаучных применялись логический, системный и генетический методы, позволяющие представить совокупность источников права Мексики как целостную систему, прошедшую длительный путь развития. Из специальных методов задействованы формально-юридический метод (используемый при толковании норм Конституции 1917 года, Закона об ампаро и иных актов), сравнительно-правовой метод (при сопоставлении мексиканского «блока конституционности» с французской и российской моделями, обязательной судебной практикой Мексики — с институтом прецедента стран общего права); из частнонаучных методов — историко-правовой (при анализе становления правовой системы Мексики и ее последующих реформ).

Теоретическая основа исследования представлена трудами отечественных и зарубежных ученых-правоведов. Среди российских авторов использованы работы С.С. Алексеева, М.Н. Марченко, А.С. Пиголкина, Ю.А. Тихомирова, А.Х. Саидова, В.И. Лафитского, Н.Г. Павловой. Среди зарубежных исследователей— труды классиков сравнительного правоведения К. Цвайгерта и Х. Кетца, Рене Давида и Камиллы Жоффре-Спинози, а также работы мексиканских авторов: Э. Артеаги Нава, М. Карбонеля, Л.А. Корона Накамуры, Р. Санчеса Хиля, а также исследования по институту «amparo» в трудах Э. Фикс-Самудио. Важную часть теоретической базы составили коллективные работы по латиноамериканскому праву.

Структура курсовой работы определена поставленными целями, задачами и внутренней логикой изложения. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и перечня использованных источников. Основная часть

разделена на три главы, каждая из которых подразделяется на параграфы. Первая глава посвящена теоретико-методологическим основам исследования источников права. Во второй главе рассматривается система формальных источников позитивного права Мексики. Третья глава раскрывает роль судебной практики и иных источников в правовой системе Мексики. В заключении сформулированы основные выводы исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

§1. Понятие и соотношение категорий «источник права» и «форма права».

Процесс установления понятия «источник права» и его соотношение с категорией «форма права» традиционно считаются одними из самых спорных вопросов как в российской, так и в зарубежной правовой теории. Еще в начале XX столетия И. В. Михайловский обращал внимание на смысловую многослойность словосочетания «источник права», считая главной причиной существующих разногласий именно терминологическую путаницу, которую оказалось трудно устранить в практическом плане[1]. С.Ф. Кечекьян характеризовал понятие источника права как одно из наименее ясных в теории права [2].

Подводя итог сложившимся в доктрине позициям, М. Н. Марченко указывает, что понятие источника права, как и само право, не поддается однозначному определению и нуждается в подробном рассмотрении. С этимологической точки зрения источником называют то, что порождает нечто иное, а также письменный памятник либо документ, от которого отталкивается научное исследование. В собственно юридическом смысле принято выделять: естественный источник — совокупность природных условий (географических, климатических, биологических), напрямую влияющих на процесс правообразования и косвенно — на правотворческую деятельность; социальный источник — политические, идеологические и культурные факторы, воздействующие на законодателя; материальный (экономический) источник, роль которого подчеркивалась преимущественно марксистской школой.

---

[1] Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 237.
[2] Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Учен. зап. МГУ. Вып. 116. Кн. 2. М., 1946. С. 3.

Особого внимания заслуживает материальный, или экономический, аспект правообразования. На протяжении долгого времени роль экономических детерминант в правовой науке оценивалась как определяющая — особенно в рамках марксистского учения, видевшего истоки идей и правовых воззрений в материальных условиях общественной жизни. Вместе с тем сами основоположники марксизма акцентировали внимание на том, что базис предопределяет надстройку (включая право) только «в конечном счете», и что надстройка, в свою очередь, способна оказывать встречное воздействие на экономический базис[3].

Источник права также рассматривается и в других аспектах. В частности, Г.Ф. Шершеневич выделял: силы, которые творят право; материалы, заложенные в основу законодательства; исторические памятники; средства познания действующего права[4]. Кроме того, различают философский источник (это философские идеи, которые лежат в основе правовой системы) и формально-юридический источник (это способы внутренней организации и внешнего выражения правовой материи). Последний является в настоящее время наиболее распространенным в литературе в силу своей доступности, определенности и практической значимости. Вне зависимости от того, какой критерий применяется для классификации, источники в рамках определенной правовой системы формируют единое целое и наполняют эту систему конкретным нормативным содержанием.

Юридическая категория формы права имеет логическую связку с общефилософской категорией формы и обладает социологическим аспектом, поскольку отражает конкретные социальные реалии данного общества[5].

Если рассматривать форму права в теоретическом и практическом плане, то она предстает как парная категория по отношению к содержанию.

---

[3] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 41-49.
[4] Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие. Т. 2. Вып. 2-4. М., 1995. С. 5.
[5] Философский энциклопедический словарь. М., 1993. С. 621.

Связь между формой и содержанием является двусторонней: содержание, которое формируется под влиянием экономических, а также социально-политических и прочих обстоятельств, определяет саму форму — ее возникновение и эволюцию, но и форма, в свою очередь, влияет на само содержание. В научной литературе особо подчеркивается необходимость различать внешне схожие, однако существенно разные понятия — «форма права» и «правовая форма». Первая представляет собой парную категорию сугубо юридического содержания, тогда как вторая отсылает к внеправовому содержанию, которое право лишь опосредует. Одновременно с этим выделяют внутреннюю и внешнюю форму права: внутренняя наделяет правовые нормы таким свойством, как общеобязательность, а внешняя определяет относительную юридическую силу каждой нормы в сравнении с другими[6].

Один из основных аспектов данного исследования является рассмотрение вопроса о соотношении двух категорий: «источник права» и «форма права». Как правило, выделяют два традиционно противопоставляемых друг другу подхода. Первый отождествляет эти понятия. Так, например, М. И. Байтин оперирует терминами как взаимозаменяемыми, прибегая к конструкции «форма (источник) права» при описании способов внешнего выражения государственной воли, таких как правовой обычай, судебный прецедент, нормативный акт[7].

Второй подход, напротив же, различает эти понятия: форма права, согласно данной концепции, показывает именно внешнюю организацию содержания права, а источник охватывает сами истоки правообразования и всю ту совокупность факторов, которые формируют содержание и внешние формы правовых норм[8].

---

[6] Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. С. 183.

[7] Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 67.

[8] Лучин В. О., Мазуров А. В. Указы Президента Российской Федерации. Основные социальные и правовые характеристики. М., 2000. С. 11.

Анализ указанных подходов позволяет понять, что в одних случаях форма и источник действительно совпадают, а в других — заметно расходятся. Совпадение наблюдается, когда мы говорим о вторичных, формально-юридических источниках. Ведь в данном случае форма описывает внешнюю организацию содержания, а источник — факторы, формирующие саму эту форму. Различие же обнаруживается при обращении к первичным источникам, будь то материальным, социальным или иным, которые относятся к другому уровню и принадлежат к реальным сферам общественной жизни. Их нельзя отнести к формально-юридическим способам выражения правовых норм. Поскольку настоящая работа посвящена именно внешним, формально-юридическим способам существования правовых норм, в ней оба понятия стоит употреблять как взаимозаменяемые.

§2. Классификация и иерархия источников права: теоретический аспект.

Проблему классификации источников права невозможно рассматривать в отрыве от того, как они выстраиваются в единую систему и как распределяются по уровню юридической силы. Для каждого государства характерен собственный перечень таких источников. Вместе с тем национальная правовая специфика не исключает общей закономерности: и в рамках отдельных правопорядков, и в рамках правовых семей источники формируют упорядоченное целое, одним из ключевых проявлений которого выступает их иерархия.

Государства, входящие в романо-германскую правовую семью, на протяжении своей истории демонстрируют сходство в видах источников права. Общими для данной семьи источниками являются нормативные акты; обычаи; судебная практика и судебные прецеденты, которые признаются, но в

некоторых странах оспариваются[9]; международные договоры[10]; общие принципы права; доктрина. Характерен принцип верховенства закона[11].

Особого внимания заслуживают такие принципы как системность и иерархичность источников права. Системность права можно определить как объединение правовых частей по содержательному критерию в упорядоченное самостоятельное целое, обладающее устойчивостью и автономностью функционирования[12].

Применение системного подхода к формам позитивного права предполагает рассмотрение их не как обособленных институтов или случайной совокупности, а как естественно сложившейся целостности. Элементами такой системы являются законы, подзаконные акты и иные источники национального права. Системный подход, как справедливо отмечают исследователи, помогает выявить внутренний механизм действия отдельных компонентов правовой системы и характер их взаимосвязи на разных уровнях[13].

Иерархическая организация форм позитивного права особенно отчетливо проявляется в подсистеме нормативных правовых актов: каждый акт, рассматриваемый в рамках всей системы источников национального права, занимает строго определенное положение, зависящее от его юридической силы и социальной значимости[14]. Применительно к таким формам, как правовой обычай, правовой договор, судебный и административный обычай, иерархические связи выражены не столь ярко. И все же без четкого фиксирования места и роли каждого источника в общей

---

[9] Enneccerus L., Nipperdey H. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts. Bonn, 1959. Bd. 1. S. 268-284.

[10] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998; С. 80.

[11] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 406-407.

[12] Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 171—194.

[13] Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. С. 243.

[14] Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968; С. 197—200;

системе обеспечить устойчивый правопорядок невозможно. Если же говорить о том, как упомянутые формы соотносятся с законом, то в подавляющем большинстве стран, где принцип верховенства закона получил конституционное закрепление, этот вопрос решается однозначно: вершину иерархии форм права неизменно занимает писаный закон[15].

Исходя из своей природы, характера и способа внешнего выражения, источники права принято подразделять на реальные и формальные, а также на первичные (материальные, социальные) и вторичные (формально-юридические)[16]. Субординация этих отношений выражается в том, что именно первичные источники определяют содержание и самое существование вторичных.

В теории источников романо-германского права принципиально важным является разделение их на первичные (содержащие нормы, обязательные для судов) и вторичные (часто обозначаемые просто как источники или документы). Первичными во всех странах данной семьи признаются нормативные акты и обычаи — при безусловном доминировании первых; порой к ним относят и общие принципы права[17]. К числу вторичных относят уже состоявшиеся судебные решения (прецеденты), а также труды авторитетных юристов. Значение этих источников возрастает в тех ситуациях, когда первичные источники отсутствуют или их положения оказываются неполными[18].

Таким образом, иерархия форм права, их системный характер и деление источников на первичные и вторичные — объективные условия работы любой правовой системы. В противном случае становится невозможным упорядочить общественные отношения, а без такого упорядочения

[15] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 106.
[16] Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 143-168.
[17] Pearson E. Law for European Business Studies. L., 1994. P. 23, 24.
[18] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 411.

немыслимы ни нормальное развитие общества, ни стабильное существование государства.

§3. Особенности источников права в романо-германской правовой семье.

Если перечислять отличительные свойства романо-германской правовой семьи, первым нужно упомянуть ту особую роль, которую в ней играют писаные законы, образующие фундамент национального законодательства. Приоритетное положение закона в системе источников права, с одной стороны, согласуется с демократическими принципами организации общества, а с другой — объясняется тем, что государственные органы обладают несравнимо большими регулятивными возможностями, нежели любые иные субъекты[19]. Континентальная концепция закона отличается тем, что именно закон, а не какой-либо другой источник, выступает центральным элементом в процессе возникновения и развития правовой семьи и ее национальных правопорядков. Само понятие закона при этом употребляется в двух значениях. В узком оно обозначает акт высшего законодательного органа, наделенный высшей юридической силой. В широком же под ним подразумевается вся совокупность нормативных актов, которые издают уполномоченные на то центральные и местные органы власти. Закон, однако, не тождественен праву, а «законопорядок» не приравнивается к «правопорядку». В ряде стран принятие и применение законов сопровождается судебной проверкой их конституционности. В отличие от правовых семей религиозного типа, в романо-германской традиции закон во всех его формах занимает высшую ступень в иерархии источников[20].

К числу других отличительных признаков романо-германского права относится четкое деление права на публичное и частное. Если в семье общего права это разграничение носит преимущественно академический характер, то

[19] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998; С. 78.

[20] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 414-417

здесь оно имеет практическое значение, будучи более глубоким и четким. Разграничительным критерием здесь служит категория интереса. В публичном праве определяющую роль играет общественно значимый (публичный) интерес — тот самый интерес социальной общности, который получает признание со стороны государства и защиту со стороны права и удовлетворение которого выступает условием ее существования и дальнейшего развития[21]. В частном же праве за основу берется интерес частный: он обнаруживает себя в правовом и имущественном статусе отдельных лиц, в их взаимоотношениях между собой и — отчасти — в их связях с государственными и общественными институтами. В современных правопорядках этой семьи прослеживается тенденция усиления публично-правовых начал за счет частных — явление, известное под названием «публицизации» частного права[22].

Другой существенной особенностью семьи является ее кодифицированный характер. По сравнению с иными правовыми семьями, где также проводилась кодификация, континентальная кодификация отличается более глубоким и устойчивым историческим происхождением. Она выступает особой юридической техникой, позволившей реализовать на европейской почве идеи школы естественного права и завершить длительный путь развития юридической науки, изложив, вопреки хаотичности юстиниановских компиляций, право, отвечающее интересам общества[23]. Она носит глобальный, а не локальный характер, охватывает практически все отрасли и институты. Наконец, за ней стоит собственная идеология. Исторически кодификация и сами кодифицированные акты покончили с многочисленными юридическими пережитками, партикуляризмом права и разнообразием обычаев, затруднявших правоприменение.

---

[21] Тихомиров Ю. А. Публичное право. С. 55.
[22] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 389-393
[23] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998; С. 49.

Касательно роли обычая в системе источников романо-германского права, в рамках позитивистского подхода он не относится к первичным элементам, но значение его не столь незначительно[24]. В Испании и Мексике обычаю придается заметное практическое значение: право, формирующееся на основе местных обычаев, способно практически полностью вытеснять «национальное гражданское право», и тогда обычай справедливо рассматривается не просто как важный, а как фактически первичный источник[25]. Совершенно иная картина наблюдается в других государствах семьи. Показательный пример — Франция, где роль обычая как в теории, так и на практике считается незначительной: у французских юристов обычай воспринимается как несколько устаревший источник, отошедший на второй план с момента, когда вместе с кодификацией было провозглашено неоспоримое верховенство закона[26].

Принципиально важно, что в государствах романо-германской правовой семьи, в отличие от стран общего права, судьи не являются творцами правовых норм. Статус прецедента — как юридический, так и фактический — остается размытым и внутренне противоречивым. Объясняется это несхожестью исторических траекторий развития: где-то к нему обращались довольно охотно, где-то, напротив, законодательно ставили под прямой запрет. Так, во Франции на основании ст. 10 гл. II Закона от 16 августа 1790 года судам было прямо запрещено устанавливать общеобязательные прецеденты. Однако возможна ситуация, при которой правотворческая функция суда прямо признается. Например, в Испании судебная практика Верховного суда образует так называемую общую правовую доктрину, нарушение которой служит основанием для обжалования судебных решений[27]. Гражданский

[24] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998; С. 94;
[25] Glendon M., Gordon M., Osakwe C. Comparative Legal Traditions in a Nutshel. Texts, Materials and Cases on the Civil and Common Law Traditions. St. Paul, 1994. P. 122.
[26] Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). С. 140.
[27] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 445-449

кодекс Швейцарии устанавливает, что в случаях, когда в законодательных актах не находится нормы, подходящей для разрешения конкретного дела, «судья должен решать вопрос в соответствии с существующим обычным правом», оставаясь при этом в рамках, очерченных «признанными правовыми доктринами и нормами прецедентного права» [28].

Таким образом, хотя формально прецедент относится к вторичным источникам, в ряде стран он фактически стоит в одном ряду с первичными.

[28] National Reports. Vol. I. P. 184-185.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА МЕКСИКИ

§1. Специфика формирования правовой системы Мексики.

Правовая система Мексики относится к романо-германской правовой семье и входит в составляющую ее латиноамериканскую группу. Об этом свидетельствует совокупность признаков: центральная роль закона в системе источников, кодифицированность законодательного массива, заимствование норм и институтов из римского частного права, устойчивое членение права на публичное и частное. Французский компаративист Р. Давид включал правопорядки Латинской Америки в романо-германскую семью, подчеркивая, что главным звеном, связывающим западноевропейское и латиноамериканское право, стала именно кодификационная традиция[29].

На становление мексиканского права повлияли четыре правовые культуры: индейская, испанская, французская и англо-американская. Исходной основой послужила соционормативная система коренного населения — индейцев, частично сохраняющаяся и сегодня в организации и жизнедеятельности сельских общин; испанским колонизаторам пришлось признать эти правовые и доправовые нормы и наделить их определенным официальным статусом. По мере расширения колонизации на мексиканской земле закрепилась испанская правовая культура, опиравшаяся на традиции римского права и римского юридического мышления; постепенно действовавшие в колониальной Мексике нормы — испанское и новоиспанское законодательство наряду с правом индейцев — слились в единый правовой пласт. После провозглашения независимости в 1821 году Мексика приступила к созданию собственной национальной правовой системы, причем образцом послужило законодательство не бывшей метрополии — полуфеодальной

[29] Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. М.: Юристь, 2007. С. 193

Испании, — а буржуазной Франции[30]. Уже в XIX веке французское право воспринималось как эталон единообразия и целостности, а французская правовая традиция в ее современном виде стала образцом для многих стран Европы и Латинской Америки[31]. Стоит отметить, что непосредственным ориентиром для мексиканской кодификации гражданского права во второй половине XIX века послужили не французский Гражданский кодекс 1804 года как таковой, а его адаптированные версии — испанский проект Гражданского кодекса Флоренсио Гарсии Гойены 1851 года (положенный впоследствии в основу Испанского гражданского кодекса 1889 года) и чилийский Гражданский кодекс 1855 года, разработанный Андресом Бельо. Именно эти испаноязычные редакции французской кодификационной модели стали непосредственным образцом для мексиканских гражданских кодексов, включая Гражданский кодекс 1870 года.

Конституционно-правовая система Мексики сформировалась под значительным влиянием англо-американского права: была заимствована федеративная форма государственного устройства и модель президентской республики. Кроме того, в Мексике получил развитие институт «amparo» — способ защиты конституционных прав, который реализуется через систему обычных судов[32], а также институт «jurisprudencia» — обязательная судебная практика, статус которой как источника права был закреплен в Мексике задолго до новейших реформ (в Законе об ампаро 1936 года и в ст. 94 Конституции). Реформа судебной власти, оформленная Декретом от 11 марта 2021 года, не учредила «jurisprudencia» в качестве источника права, а лишь изменила механизм ее формирования — заменила систему пятикратного

[30] Панкина Е. Е. Становление конституционного права в Испании и испаноговорящих странах Латинской Америки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №12 (751). С. 116;
[31] Полдников, Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник: в 2 томах. Том 2. Современные правовые традиции / Д. Ю. Полдников. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 624 с. С. 149.
[32] Марчук Н.Н. Особенности конституционного развития стран Латинской Америки на современном этапе / Н.Н. Марчук, А.С. Никонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки.— 2012.— № 5.— С. 78–91.

повторения решений системой обязательных прецедентов с первого вынесенного решения. При этом «jurisprudencia» формируется не только Верховным судом Мексики (Suprema Corte de Justicia de la Nación), но и Коллегиальными окружными трибуналами (Tribunales Colegiados de Circuito): такое распределение полномочий вытекает из ст. 94 Конституции и закреплено в действующем Законе об ампаро в ст. 217. Указанный институт представляет собой модифицированный аналог американского судебного прецедента.

§2. Конституция 1917 года и «Блок конституционности» как основа правовой системы.

Прежде чем перейти к характеристике мексиканской конституции, следует отметить, что сама конституция выступает неотъемлемым элементом современного государства: она одновременно устанавливает публичную власть и ограничивает ее посредством закрепления прав и свобод личности. В этом смысле учреждение писаной конституции исторически неразрывно связано с идеологией либерализма, основной задачей которой в эпоху Модерна было ограничение государственной власти во имя индивидуальной свободы[33]. Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» сформулировал фундаментальные либеральные принципы — право на жизнь, свободу и собственность, которые впоследствии были восприняты конституционными актами нового времени[34]. Именно поэтому конституцию принято определять в современной литературе и как политико-правовой акт высшей юридической силы, и как организационно-правовой механизм государственной власти, ограниченной конституцией[35]. Мексиканская Конституция 1917 года

[33] Кочетков Владимир Валерьевич Либерализм или конституционализм: к определению понятий // Власть. 2014. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizm-ili-konstitutsionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiy (дата обращения: 22.04.2026). С. 102.
[34] Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3 / пер. с англ. Ю. М. Давидсона и др. М.: Мысль, 1988. С. 310–312. URL: https://grachev62.narod.ru/lock/content.html
[35] Конституционализм // Большая российская энциклопедия: электронная версия. URL: https://bigenc.ru/c/konstitutsionalizm-5eb120 (дата обращения: 22.04.2026).

воспроизводит эту логику, сочетая классическое либеральное наследие с социальными новеллами революционной эпохи.

Принцип верховенства Конституции Мексиканских Соединенных Штатов 1917 года получает прямое закрепление в ее статье 133, провозглашающей ее основным законом страны[36]. По выражению Ф. Лассаля, конституция «уходит корнями глубже, чем законы», поскольку выражает сумму реальных факторов власти, действующих в обществе на момент ее принятия[37]. Данный принцип прямо адресован носителям государственных и местных полномочий: учредители штатов обязаны организовывать свои образования в соответствии со статьями 115 и 116 Конституции, а весь нормативный массив — федеральный и региональный — также должен ей соответствовать.

В мексиканской доктрине встречается устойчивое наименование Основного закона как «политической конституции». Данная характеристика отражает двойственную природу документа, регулирующего как юридические, так и политические вопросы, и одновременно позволяет отличать его от понятия «constitution» в значении учредительного устава организации[38]. Важнейший этап эволюции мексиканского конституционализма связан с реформой от 10 июня 2011 года, радикально изменившей статью 1 Конституции. Согласно новой редакции, все лица пользуются правами человека, признанными как Конституцией, так и международными договорами, участником которых является Мексика; их осуществление не может быть ограничено или приостановлено иначе, чем в

[36] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, arts. 40, 133 // Diario Oficial de la Federación. 05.02.1917 (с послед. изм.). URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (дата обращения: 22.04.2026).
[37] Лассаль Ф. О сущности конституции: речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 г. / пер. с нем. СПб.: Молот, 1906. С. 15–18.
[38] Carbonell M. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos: comentada. 21ª ed. México: Porrúa / Centro de Estudios Jurídicos Carbonell, 2021. P. 17–19.

случаях, предусмотренных самим Основным законом[39]. Юридическое значение этой новеллы состоит в интеграции международных договоров о правах человека в единый «параметр контроля конституционности» (parámetro de control de regularidad constitucional) наравне с нормами Конституции. Стоит обратить внимание на то, что в решении по делу «Противоречие тезисов» (Contradicción de tesis 293/2011) от 2013 года Пленум Верховного суда Мексики установил, что при прямой коллизии между международным договором и текстом самой Конституции приоритет сохраняется за конституционным текстом — за исключением случаев, когда сама Конституция прямо предусматривает ограничение соответствующего права[40]. Одновременно был введен принцип «pro persona», обязывающий все органы государственной власти и суды при толковании правовых норм избирать вариант, обеспечивающий наиболее широкую защиту прав личности[41].

Именно реформа 2011 года породила в мексиканской правовой доктрине понятие «блок конституционности» — совокупность норм конституционного уровня, включающую как положения Основного закона, так и нормы международных договоров о правах человека. Для понимания специфики мексиканского подхода целесообразно сопоставить его с классической французской моделью, из которой и произошло само понятие «bloc de constitutionnalité», а также с конституционным регулированием этого вопроса в Российской Федерации.

---

[39] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, art. 1 // Diario Oficial de la Federación. 05.02.1917 (с послед. изм.). URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (дата обращения: 22.04.2026).

[40] Contradicción de Tesis 293/2011 // Suprema Corte de Justicia de la Nación. Pleno. Ministro Ponente: Arturo Zaldívar Lelo de Larrea. Sesiones de 26, 27 y 29 de agosto y 2 y 3 de septiembre de 2013. URL: https://www2.scjn.gob.mx/asuntosrelevantes/pagina/seguimientoasuntosrelevantespub.aspx?id=129659&seguimientoid=556

[41] Decreto por el que se modifica la denominación del Capítulo I del Título Primero y reforma diversos artículos de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos // Diario Oficial de la Federación. 10 de junio de 2011. URL: https://dof.gob.mx/index.php?year=2011&month=06&day=10 (consulta: 28.04.2026).

Как указывает В. Е. Чиркин, под Конституцией Франции в узком смысле понимается Основной закон 1958 года, однако, ее образует комплекс документов, получивший в конституционно-правовой литературе наименование «конституционного блока». В него входят: Декларация прав человека и гражданина 1789 года, преамбула Конституции 1946 года, а также сама Конституция 1958 года, отсылающая к двум предшествующим актам и регулирующая прежде всего взаимоотношения высших органов государственной власти. В. Е. Чиркин также обращает внимание на то, что в современный конституционный блок Франции входит Хартия окружающей среды 2004 года, а Конституция 1958 года содержит ссылки на ряд международно-правовых актов, в которых участвует Франция (прежде всего — Договор о Европейском союзе 1992 года)[42].

Таким образом, французская модель блока конституционности носит замкнутый характер: она объединяет только «местные» документы — национальные конституционные акты, а международные договоры на конституционный уровень, по общему правилу, не возводятся[43]. Мексиканская модель, сложившаяся после реформы 2011 года, напротив, является открытой: ядро блока конституционности образуют предписания Конституции 1917 года, однако одновременно в него интегрируются нормы международных договоров о правах человека, которым придана та же юридическая сила, что и конституционным нормам. В этом смысле мексиканский блок конституционности концептуально шире французского: он допускает постоянное обновление своего нормативного содержания за счет международных источников в сфере прав человека.

---

[42] Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран : учебник / В.Е. Чиркин. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. — 528 с.—ISBN 978-5-91768-640-0.—Текст : электронный.—URL: https://znanium.ru/catalog/product/2225923 (дата обращения: 22.04.2026).— Режим доступа: по подписке. С. 369–370.

[43] Подробнее о французской модели см.: Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие / И. И. Тюнина, И. А. Стародубцева, Т. В. Шелудякова; под ред. И. И. Тюниной. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. С. 146–148.

При сопоставлении с российской моделью необходимо учитывать, что в силу части 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации Основной закон обладает высшей юридической силой, действует непосредственно и применяется на всей территории государства, а любые законы и иные правовые акты не могут ему противоречить; часть 4 той же статьи включает общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации в ее правовую систему и устанавливает приоритет правил договора перед правилами закона при их расхождении[44]. В российской доктрине данная модель характеризуется как умеренно монистическая концепция с приоритетом Конституции. Тем самым принципиальное различие подходов заключается в месте международных договоров в иерархии источников: российская модель помещает их в правовую систему ниже Конституции, но выше обычного закона, не поднимая до уровня конституционного источника, тогда как мексиканская модель после реформы 2011 года приравняла международные договоры о правах человека к собственно конституционным нормам.

Таким образом, Конституция Мексики 1917 года занимает вершину иерархии источников права и одновременно служит нормативным ядром формирующегося блока конституционности. В отличие от классической французской модели, ограниченной сугубо внутренними конституционными актами, и от российской, сохраняющей четкое разграничение конституционного и международно-правового уровней, мексиканская модель демонстрирует открытый тип блока конституционности, в рамках которого международные договоры о правах человека становятся материально-конституционными источниками права. Такая конструкция предопределяет дальнейший анализ иерархических связей между федеральным

[44] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года).— Текст : электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.04.2026).

законодательством, региональными актами и международными обязательствами Мексики, которому посвящены последующие параграфы настоящей главы.

§3. Законодательство и кодификация: федеральный и региональный уровни.

В мексиканской правовой науке к числу источников национального права традиционно причисляют законодательство, международные договоры, правовой обычай и судебную практику. Принадлежность Мексики к романо-германской семье предопределяет первенствующее положение законодательных актов. Термин «законодательство» в мексиканской трактовке охватывает как всю совокупность нормативных актов, исходящих от законодательной и исполнительной власти, так и сам процесс их создания — «legislación», — тогда как закон рассматривается в качестве «продукта» этого процесса. С точки зрения субъекта правотворчества принято различать федеральные законы, законы штатов и муниципальные акты[45]. Основу федерального законодательства составляет Конституция Мексики, провозглашающая федеративную демократическую республику, состоящую из свободных и суверенных штатов. Согласно статье 124 Конституции, полномочия, не отнесенные к ведению федеральных властей, считаются принадлежащими штатам[46].

С точки зрения государственно-территориального устройства Мексика является федерацией. В общей теории права принято различать классическую (дуалистическую) и кооперативную модели федерализма. Дуалистический федерализм предполагает, что оба уровня — федеральный и региональный — обладают собственными источниками легитимации власти и собственной автономией в своей юрисдикции; эта модель исходит из идеи принципиальной

[45] Павлова Н. Г. Законодательство как источник права в правовой системе Мексики.— Москва: Вестник РУДН, серия Юридические науки, № 2, 2013. С. 168

[46] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, art. 124 (в редакции Декрета от 10.06.2011) // Diario Oficial de la Federación. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51. (дата обращения: 22.04.2026).

делимости суверенитета в пределах государства и взаимного невмешательства федерации и ее субъектов в обособленные сферы компетенции, что нередко выражается в сужении полномочий центра. Кооперативный федерализм, напротив, не ориентирован на жесткое разведение полномочий в две непересекающиеся области: он основан на двухуровневой структуре управления, при которой и федерация, и ее субъекты осуществляют властные функции в отношении одной и той же административно-политической единицы, взаимодействуя и соперничая друг с другом. При этом каждый уровень, как правило, имеет и собственную автономную сферу, где принимает самостоятельные решения[47].

Для Мексики в настоящее время характерен кооперативный федерализм. Все мексиканские штаты имеют свои собственные конституции, которые не должны противоречить Основному закону государства, поскольку он обладает высшей юридической силой[48].

Правовой системе Мексики свойственна кодификация законодательства. Мексиканский Федеральный гражданский кодекс является самым важным законодательным актом после Мексиканской Конституции. Он отражает ее революционный дух. В Гражданском кодексе общественные интересы преобладают над индивидуальными; права частной собственности не являются абсолютными. Мексиканские штаты имеют свои собственные гражданские кодексы, большинство из которых являются копиями Федерального или основаны на нем. Существует Торговый кодекс, который является федеральным, поскольку вопросы торгового права относятся к федеральной юрисдикции. Он содержит общие нормы о торговых сделках. Действует федеральный Уголовный кодекс и 32 Уголовных кодекса штата. Также существует один федеральный Уголовно-процессуальный кодекс, имеющий юрисдикцию на всей территории страны по федеральным вопросам,

[47] Орлинская, О. М. Основные концепции федерализма // Грамота. — Тамбов, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 133-137.
[48] Клочко Е. А. Эволюция и особенности федерализма в Латинской Америке // Право. 2001. № 1. С. 199–204. С. 203

и 32 Уголовно-процессуальных кодекса штата, имеющих юрисдикцию в пределах каждого штата по своим вопросам.

Согласно ст. 133 Конституции Мексики в случае противоречия между региональными законами и федеральными, приоритет имеет федеральное законодательство. Именно им должны руководствоваться судьи в случае такого противоречия.

Существующие Федеральные законы, которые являются непосредственно актами Федерального Конгресса, принято подразделять на органические и обыкновенные. Для них характерен запрет противоречия Конституции, поскольку они вытекают из ее положений. Согласно ст. 72 Конституции, принятие всех федеральных законов сосредоточено в руках единственного законодательного органа, который в установленном порядке их разрабатывает, дает им толкование, вносит в них изменения и дополнения. Как отмечал в своих комментариях к мексиканской Конституции Марио Коронадо, издаваемые на ее основе законы Конгресса предназначены для развития предписаний «Политического Кодекса». В этой связи необходимо отличать законы, связанные с Основным законом и содержательно, и формально, от тех, чья связь с ним носит лишь формальный характер[49].

Среди актов законодательной власти отдельной группой стоят законы, которые развивают конституционные принципы и раскрывают отдельные положения Основного закона. Как отмечает мексиканский правовед М. Куэво, именно посредством этих актов Конституция существует «живой и действующей». В современной мексиканской науке эти законы принято группировать по трем направлениям. Первое — органические законы: они закрепляют структуру государственных органов, их полномочия и конкретные направления деятельности (показателен в этом отношении Органический закон о Публичном министерстве). Второе — регламентарные законы,

[49] Павлова Наталья Георгиевна Законодательство как источник права в правовой системе Мексики // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-kak-istochnik-prava-v-pravovoy-sisteme-meksiki (дата обращения: 22.04.2026). С. 169.

обозначаемые Гарсией Майнесом как «поведенческие»: они наполняют содержанием конституционные нормы и облегчают применение абстрактных конституционных начал (к этой группе принадлежат Регламентарный закон о свободе печати, собраний и ассоциаций, а также акты, затрагивающие права человека). Третье направление — социальные законы, развивающие принципы социальных прав. Наряду с тремя перечисленными группами Гарсия Майнес называет и четвертую — смешанную, оговариваясь при этом, что, с его точки зрения, один закон не должен объединять в своем тексте несколько разнородных категорий норм. В качестве примера подобного смешанного акта он приводит Федеральный закон о труде, регулирующий одновременно устройство представительных органов управления и взаимоотношения работодателей и работников. Самостоятельный массив составляют законы, которые Конгресс принимает для регулирования различных сфер общественной жизни — по формулировке Вилоро Торансо, законы «о материи, отличной от Конституции». Речь в данном случае идет о вторичных, обыкновенных нормах, объединяющих различные отрасли позитивного права — административную, уголовную, гражданскую, торговую и другие. По мнению Торансо, они также имеют конституционное происхождение, но лишь в формальном, а не в содержательном смысле[50].

Подобно большинству стран романо-германской семьи, в мексиканском правопорядке различают три типа актов — конституционные, органические законы и законы-декреты. Термин «декрет» упоминается в отдельных конституционных нормах и служит для обозначения решения, которое принимает Конгресс или исполнительная ветвь власти. В частности, в ст. 70 Основного закона указано, что решения Конгресса принимают форму либо закона, либо декрета. Законодательные акты и декреты находятся на одном уровне юридической силы и действуют в пределах единого правового поля; их отличие сводится исключительно к предмету: закон направлен на регулирование более широких аспектов общественной и государственной

[50] Там же. С. 169.

жизни, декрет же характеризуется конкретностью — он привязан к определенному месту, времени и кругу адресатов[51].

§4. Международные договоры в иерархии источников права Мексики.

В условиях глобализации взаимодействие международного и внутригосударственного права приобретает особое значение: международное право способно эффективно осуществлять свои функции только лишь в связке с внутренним правом государств, а стабильное функционирование национальных правовых систем предполагает наличие согласованности с международным правом. В доктрине соотношение двух правопорядков объясняется несколькими концепциями. Монистическая концепция исходит из того, что международное и национальное право образуют единую правовую систему; в ее рамках различают несколько подходов. Концепция примата внутреннего права, сформулированная Г. Гегелем, рассматривает международное право как «внешнегосударственное» — его нормы юридически значимы лишь в той мере, в какой они включены во внутреннее право, что по сути отрицает самостоятельное юридическое существование международного права[52]. Австрийский правовед Ганс Кельзен, напротив, обосновал концепцию примата международного права: оно выступает верховным, ничем не ограниченным правопорядком и само определяет сферу действия внутреннего права[53].

В конце XIX столетия немецкий правовед Генрих Трипель выдвинул дуалистическую концепцию, согласно которой международный и внутригосударственный правопорядки функционируют в различных плоскостях и представляют собой две самостоятельные, не соподчиненные друг другу правовые системы. Именно дуализм получил в науке наибольшее распространение: его приверженцы исходят из того, что с формальной точки

---

[51] Там же. С. 174.

[52] Нефедов Б.И. Соотношение правовых систем. Часть 1. «Традиционные» доктрины соотношения международного права и внутригосударственного права. Московский журнал международного права. 2013; (3):19-31. URL: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-3-19-31. С. 25

[53] Там же. С. 24

зрения международное и национальное право как системы в принципе конфликтовать не могут — столкновение возможно лишь на уровне обязательств либо проявляется в том, что государство во внутреннем плане оказывается неспособно поступать так, как предписывает международное право. Главный аргумент Трипеля состоял в различии источников: во внутригосударственном праве таковым является суверенная воля отдельно взятого государства, а в международном — коллективная воля государств[54].

Мексиканский правовед Луис Эрнесто Ороско Торрес делает вывод о том, что с позиции инкорпорации международного права правовая система Мексики носит монистический характер: международные договоры действуют непосредственно, без необходимости трансформировать их через национальный закон. Вместе с тем мексиканская модель отличается от кельзеновской разновидности монизма тем, что Конституция здесь удерживает за собой иерархическое превосходство над договорами. Эта позиция может быть квалифицирована как конституционный или умеренный монизм[55]. Данный тезис подкрепляется законодательством и судебной практикой. Статья 133 Основного закона Мексики устанавливает, что Конституция, а также законы и все международные соглашения, которые соответствуют ей и заключены (или будут заключены) Президентом с одобрения Сената, являются высшим законом Федерации[56].

Согласно комментарию Верховного суда Мексики относительно толкования Конституции от 1 ноября 1999 года, международные договоры находятся на втором месте по юридической силе, а именно ниже Основного закона и выше федерального и местного права[57]. Международные

[54] Там же. С. 26-28.
[55] Orozco Torres, Luis Ernesto, «El Derecho internacional y el sistema jurídico mexicano: problemas actuales» (Tesis de Doctorado, Sevilla, 2015). P. 69-76.
[56] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, art. 133 // Diario Oficial de la Federación. 05.02.1917 (с послед. изм.). URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (дата обращения: 22.04.2026).
[57] La Tesis LXXVII/99 del Pleno de la Suprema Corte de Justicia y el Esquema de Celebración de Tratados Internacionales // Ex Lege. Universidad De La Salle Bajío. 2012. URL:

обязательства принимаются мексиканским государством в полном объеме и связывают все его органы государственной власти с международным сообществом. Президент республики наделен полномочиями подписывать международные договоры в качестве главы государства, и аналогичным образом Сенат, представляя штаты, своей ратификацией делает обязательным их исполнение для органов власти субъектов федерации. Другим важным аспектом для рассмотрения места международных договоров в иерархии источников права является то, что в этой сфере нет компетенционных ограничений между федерацией и федеральными образованиями, а президент республики и Сенат могут обязать государство исполнять нормы международного договора по любому вопросу, независимо от того, относится ли этот вопрос к компетенции федеральных образований[58].

Как следствие вышеизложенного, толкование статьи 133, а также положение статьи 124 Основного закона, которое предписывает, что полномочия, специально не отнесенные к компетенции федеральных властей, считаются принадлежащими штатам, приводит к отнесению на третье место федерального и местного права в иерархии системы источников права, что делает международные договоры выше по юридической силе.

https://www.lasallebajio.edu.mx/delasalle/contenidos/revistas/derecho/numero_1/docentes_figueroa.html (дата обращения: 22.04.2026).

[58] Там же. Art. 133

ГЛАВА 3. РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ИНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ МЕКСИКИ

§1. Судебная практика (Jurisprudencia) как специфический источник мексиканского права.

Разделяя источники романо-германского права на первичные и вторичные, ученые чаще всего акцентируют внимание на институте прецедента. Происходит это по двум причинам: с практической стороны его значение как источника континентального права достаточно велико, а с теоретической — он занимает неясное, не до конца определенное место среди других источников[59]. В одних странах он признается источником права, а в других — нет, что и выражает противоречивость его статуса[60].

Если рассматривать национальные правопорядки, составляющие романо-германское право, об общей концепции и единообразной судебной практике говорить можно, однако не без существенных оговорок: современное состояние теории прецедента и практики его применения в разных странах этой семьи расходится. Подобная картина складывается под воздействием двух факторов. Первый — исторические традиции: где-то они подталкивали к становлению прецедентного права, а где-то, напротив, тормозили этот процесс. Второй — само отношение к прецеденту как к источнику права. Когда юридическая сила и нормативный характер судебных решений не просто признаются доктриной, но и получают подтверждение на законодательном уровне, возникают благоприятные предпосылки для разработки теории и развития практики применения судебного прецедента. Мексика в этом плане выделяется на фоне большинства других стран континентальной традиции: здесь судебная практика рассматривается в качестве источника права. В мексиканском правопорядке сформировался институт «обязательного прецедентного права» «jurisprudencia», благодаря

[59] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 443;
[60] Там же. С. 444.

которому решения ряда судов становятся обязательными для судов той же и нижестоящих инстанций[61].

Реформа судебной власти 2021 года, затронувшая, в частности, правовую природу «jurisprudencia», была введена Декретом, опубликованным в Официальном вестнике Федерации (Diario Oficial de la Federación) 11 марта 2021 года. Данный декрет провозгласил реформированными и дополненными различные положения Политической конституции Мексиканских Соединенных Штатов. Председатель Верховного суда Артуро Сальдивар охарактеризовал данную реформу как «не просто наиболее значимую конституционную реформу судебной власти за последнюю четверть века с точки зрения структуры и функционирования, но и самую важную реформу системы «jurisprudencia» за всю историю Верховного суда»[62].

До реформы 2021 года мексиканская система «jurisprudencia» базировалась на двух ключевых элементах: «tesis por reiteración» (тезисы, формируемые путем повторения) и «tesis por contradicción» (тезисы, формируемые путем противоречия). Для создания обязательной «jurisprudencia» посредством повторения требовалось наличие пяти непротиворечивых решений Верховного суда, вынесенных в разных сессиях квалифицированным большинством голосов. Как отмечает Кабальеро Хуарес, такая модель порождала существенные процессуальные издержки. Решение Верховного суда, принятое квалифицированным большинством, не обладало обязательной силой для нижестоящих органов правосудия до тех пор, пока не набиралось необходимое количество повторений (reiteración). Это не только подрывало правовую определенность, но и вынуждало стороны повторно инициировать судебные разбирательства по уже решенным

[61] Sánchez Gil, R. (2022). El precedente judicial en la jurisprudencia de la Suprema Corte de Justicia de la Nación. Mexico: UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas. P. 23-27;
[62] Caballero Juárez, J. A. (Coord.). (2021). La reforma judicial de 2021. ¿Hacia dónde va la justicia? Mexico: UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas. P. 2.

вопросам, что противоречило принципам эффективности и доступности правосудия[63].

Реформа 2021 ознаменовала переход от системы повторения к системе обязательных прецедентов. Теперь решения Верховного суда, принятые квалифицированным большинством, признаются обязательными прецедентами, начиная с первого вынесенного решения. В отличие от предыдущей системы, ориентированной на краткие тезисы (tesis), реформа устанавливает, что обязательной силой обладают именно правовые обоснования и рассуждения (razonamientos jurídicos), содержащиеся в приговорах (sentencias)[64]. Это относится, в частности, к решениям пленарного состава или палат Верховного общенационального суда, которые являются обязательными для коллегиальных и единоличных окружных судов, районных судов, военных судов, судебных органов штатов, Федерального округа и муниципальных образований, административных и трудовых судов федерации и отдельных штатов. Данная реформа служит ярким свидетельством того, как романо-германское право в Мексике эволюционирует в сторону признания судебного прецедента полноправным обязательным источником. Вместе с тем эти решения не совпадают с прецедентами в странах английского общего права и не означают отказа от свойственного континентальной традиции взгляда на систему источников, поскольку они касаются прежде всего толкования действующих норм.

В мексиканской правовой системе существует конституционно-правовой институт, который имеет правозащитную функцию. Это институт «amparo». Систематизация законодательства в сфере действия данного института осуществляется Законом об ампаро. Согласно данному закону судопроизводство в порядке ампаро (juicio de amparo) осуществляется в целях разрешения любого спора, который может возникнуть в результате применения правовых норм общего действия, индивидуальных правовых

[63] Там же. P. 46.
[64] Там же. P. 50.

актов либо бездействия публичных органов и должностных лиц, нарушающих права физических и юридических лиц, установленные Конституцией Мексики и международными договорами. В случаях, указанных Законом, оно может быть инициировано и с целью защиты прав физических и юридических лиц от действий (бездействия) частных лиц[65]. Институт juicio de amparo возник в Конституции Юкатана 1841 года как первое в мексиканском праве средство юрисдикционной защиты прав человека и контроля конституционности; его автором стал юкатанский юрист Мануэль Кресенсио Рехон, закрепивший институт в статье 53 проекта Конституции штата. На федеральный уровень ампаро было выведено Конституционным учредительным актом 1847 года благодаря Мариано Отеро и окончательно закреплено в Конституции 1857 года[66].

Различают две основные разновидности ампаро: прямое и непрямое. Судопроизводство в порядке прямого ампаро (amparo directo) осуществляется коллегиальными окружными судами и Верховным общенациональным судом. Судопроизводство в порядке непрямого ампаро осуществляется единоличными окружными судами и районными судами и может быть оспорено в вышестоящих судах. В случае «amparo directo» судопроизводство допускается при исчерпании иных средств правовой защиты. Для amparo indirecto мексиканское право закрепляет существенные исключения из принципа definitividad (исчерпания ординарных средств защиты). В частности, если оспариваемый акт является необратимым по своим последствиям (actos de ejecución irreparable), непрямое ампаро может быть подано без

[65] Закон Ампаро об осуществлении статей 103 и 107 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов от 19.01.2018 // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17722.

[66] Rosario Rodríguez, Marcos del, «El juicio de amparo: origen y evolución hasta la Constitución de 1917. Tres casos paradigmáticos que determinaron su configuración», México, Instituto de Investigaciones Jurídicas–UNAM, 2017, pp. 124–125. URL: https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/9/4317/9.pdf

предварительного прохождения других инстанций[67]. Ключевым принципом классического ампаро выступает «Формула Отеро» (Fórmula Otero), сформулированная Мариано Отеро: решение по делу об ампаро порождает правовые последствия исключительно inter partes, то есть только в отношении лиц, участвовавших в конкретном деле, — заявителя, ответчика и иных участников, — не отменяя и не изменяя оспариваемую норму erga omnes[68]. Реформа 2011–2013 годов частично скорректировала данный принцип: она ввела механизм «общей декларации неконституционности» (declaratoria general de inconstitucionalidad), наделив Верховный суд правом при накоплении определенного числа решений по делам об amparo indirecto en revisión выносить постановление, действующее erga omnes в отношении оспоренных «общих нормативных актов», — то есть придав отдельным решениям об ампаро прямую нормоконтрольную функцию, ранее не свойственную институту.

Несмотря на то, что в некоторых государствах судебная практика формально к источникам континентального права не причисляется, число выпускаемых сборников судебных решений из года в год увеличивается — это отмечается, в частности, в Германии, Швейцарии, Италии, Франции и во многих других странах. Подобная тенденция говорит если не о росте роли судебного прецедента как источника права, то по меньшей мере о том, что за ним прочно закрепилось практическое значение[69].

Среди представителей юридической профессии в странах романо-германского права все более распространяется точка зрения, согласно которой

---

[67] Definitividad. Excepciones a ese principio en el juicio de amparo indirecto // Semanario Judicial de la Federación y su Gaceta. Novena Época. Segunda Sala. Tomo XII. Julio de 2000. Registro digital 191539. URL: https://sjf2.scjn.gob.mx/detalle/tesis/191539

[68] Elías Mussi, E., Silva Ramírez, L. La fórmula Otero y la declaratoria general de inconstitucionalidad en el juicio de amparo contra normas // El juicio de amparo. A 160 años de la primera sentencia / coord. E. Ferrer Mac-Gregor, M. González Oropeza. México: UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas, 2011. T. II. URL: https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/7/3066/4.pdf

[69] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с. С. 452;

право не создается государством в отрыве от жизни «априорно» и не ограничивается текстом законодательных норм. Напротив, поиск права — это дело, в котором принимают участие все юристы сообща, включая и действующих судей. Каждого из них ведет одно и то же стремление — подобрать в конкретной ситуации то решение, которое соответствовало бы общему представлению о справедливости и учитывало бы как частные, так и публичные интересы[70].

§2. Общие принципы права и правовая доктрина.

В числе элементов, из которых состоит романо-германское право, статус источника признается, помимо прочего, за общими принципами права. Этим термином обозначают положения объективного права, которые могут и облекаться в текстовую форму, и существовать без нее, однако непременно находят применение в судебной практике и отличаются достаточно высокой степенью обобщенности[71].

В ряде правопорядков общим принципам отводится особая роль: их извлекают и из норм позитивного права, и из самого правопорядка, сложившегося в стране. При таком подходе эти принципы наделяются статусом первичных источников права. К числу подобных принципов относят, в частности, приверженность правам человека, национальный суверенитет, выражение в законе общей воли, признание преступными только тех деяний, которые «вредны для общества», свободу действий, возможность «делать все, что не причиняет вреда другому лицу», а также установление законом лишь таких наказаний, которые действительно необходимы. Когда исследователи классифицируют источники романо-германского права по способу их формирования, они выделяют несколько групп. К первой группе относятся акты государственных законодательных и исполнительно-распорядительных органов различных уровней, которые формируют статутное право. Ко второй группе относятся те источники, которые возникают и развиваются в силу

[70] Там же. С. 453;
[71] Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 163.

прогрессирования общественных отношений и самого общества, а также к ним иногда причисляют правовые доктрины и работы юристов — часто это происходит в виде комментариев к действующим законам[72].

В течение длительного исторического периода именно доктрина занимала ведущее положение среди источников права в романо-германской правовой семье: фундаментальные правовые принципы были сформулированы в университетских стенах с XIII по XIX век. Позднее, под влиянием утвердившихся идей демократии и кодификации, главенствующая роль перешла от доктрины к закону. Тем не менее, оставаясь лишь косвенным источником права, доктрина играет существенную роль в формировании методов создания и толкования законов, а также в воздействии на самого законодателя, который нередко выражает те тенденции, что устоялись в ней, и воспринимает ее предложения[73].

Согласно ст. 14 Конституции Мексики, в делах, рассматриваемых в судебном порядке, окончательное решение должно основываться исключительно на букве или формальном толковании закона. При отсутствии такого закона решение основывается на общих принципах права. Федеральный трудовой закон устанавливает, что при отсутствии прямого предписания, регулирующего трудовые отношения, должны приниматься во внимание, среди прочего, общие принципы права.

Важно подчеркнуть в отношении общих принципов права, что, согласно критерию Верховного суда страны, их функция в мексиканском правопорядке не ограничивается гражданско-правовой сферой, но распространяется на другие области или правовые вопросы, даже если они не позитивированы; по этой причине суды уполномочены и во многих случаях обязаны выносить свои решения, принимая во внимание помимо закона также общие принципы права,

---

[72] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с.—ISBN 9785917684673.—Текст : электронный.—URL: https://znanium.ru/catalog/product/1911191 (дата обращения: 10.03.2026).— Режим доступа: по подписке. с. 405-410

[73] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998; с. 104-105

поскольку такие принципы рассматриваются как наиболее общая формулировка ценностей, установленных нашим текущим правопорядком, и их функция заключается не только в восполнении пробелов в законе, но и в содействии толкованию и применению права.

Юридическая доктрина, с другой стороны, источником права в Мексике не является. Это, впрочем, не мешает использованию ее судами в качестве элемента анализа, поддержки или обоснования при надлежащем толковании и применении закона, а также для извлечения из правовых текстов общих принципов права. Это распространяется в первую очередь на разрешение спорных вопросов в рамках конкретного дела, переданного на их рассмотрение.

§3. Обычай в мексиканском праве: сфера применения и значение.

Чтобы охарактеризовать обычай, стоит обратиться к двум взаимоисключающим подходам к понимаю данного источника: с одной стороны, выделяют социологическую концепцию, согласно которой преувеличивается роль данного института в странах континентального права; с другой — позитивистскую теорию, которая противопоставляет обычай закону и в определенной степени ограничивает его значение[74]. Многообразие мнений об обычаях в странах романо-германского права проявляется и в том, что во многих научных работах происходит унификация их значимости в пределах всей правовой семьи, тогда как в отдельных национальных системах роль и значение обычая существенно различаются[75].

В качестве примера можно упомянуть Испанию, в которой обычай как источник права имеет важное значение. В Каталонии, обычное право, сложившееся на основе местных обычаев, почти полностью замещает «национальное гражданское право», в силу чего в отдельных случаях обычай

[74] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с.—ISBN 9785917684673.—Текст : электронный.—URL: https://znanium.ru/catalog/product/1911191 (дата обращения: 10.03.2026). С. 425

[75] International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. II. P. 98-100.

с полным основанием рассматривается не только как важный, но и как первичный источник[76]. В других странах романо-германской семьи теоретическая и практическая роль обычая считается малозначительной. Так, например, французские юристы склонны видеть в обычае довольно устаревший источник права, который играет незначительную роль с момента признания бесспорного верховенства закона[77].

На протяжении всей истории романо-германского права степень включенности обычаев в правовую жизнь и их практическая роль определялись многими факторами. Особую роль играли при этом разновидности обычаев, которые различают по характеру их соотношения с законом: есть обычаи, которые дополняют закон и создают весьма оптимальные условия для толкования и применения действующих нормативных актов, их именуют «secundum legem»; есть обычаи, которые признаются вполне самостоятельными источниками, регулируют общественные отношения, которые не урегулированы законодательством, их именуют «consuetudo praeter legem», то есть обычаи «кроме закона»; заключительная группа обычаев является довольно редким явлением, которое всячески ограничивается, а в некоторых системах и вовсе прямо запрещается, его именуют «consuetudo adversus legem», что означает обычай «против закона»[78].

В мексиканском правопорядке обычай не применяют в случае, если он, очевидно, противоречит законодательным предписаниям. Обычай здесь является лишь источником права делегированного характера, то есть признается таковым только в том случае, если сам закон придает ему это качество. Так, например, Федеральный Гражданский кодекс Мексики

---

[76] Glendon M., Gordon M., Osakwe C. Comparative Legal Traditions in a Nutshel. Texts, Materials and Cases on the Civil and Common Law Traditions. St. Paul, 1994. P. 122.
[77] Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). С. 140.
[78] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с.—ISBN 9785917684673.—Текст : электронный.—URL: https://znanium.ru/catalog/product/1911191 (дата обращения: 10.03.2026).— Режим доступа: по подписке. С.439-442

предусматривает, что для толкования неясностей, возникающих в договорах, надлежит учитывать обычаи и традиции страны. Торговый кодекс Мексики, в свою очередь, устанавливает, что если договором не предусмотрено иное, депозитарий вправе требовать вознаграждение за хранение, размер которого определяется условиями договора, а при их отсутствии — обычаями места (торговой площади), где был установлен депозит[79]. Данные положения являются классическими примерами «secundum legem».

Обычай коренных народов Мексики является их собственным правом. Это акты, принимаемые общиной, которые при их повторяемости, древнем характере и общем признании становятся элементом обычного права. Как отмечает Б. де Соуза Сантуш, обычное право коренных народов — это не просто совокупность традиций, а полноценный правовой порядок, существующий наряду с государственным правом и служащий основой самоуправления коренных общин[80]. Статья 2 Конституции Мексики признает за коренными народами право применять свои обычаи, что соответствует «praeter legem» — обычай действует в сферах, не урегулированных законом. Однако это признание остается неполным, и процесс реализации обычного права коренных народов находится в незавершенном состоянии[81].

[79] Código de Comercio de los Estados Unidos Mexicanos, 2018, art. 333
[80] Santos B. de S. Refundación del Estado en América Latina: perspectivas desde una epistemología del Sur. — Lima: Instituto Internacional de Derecho y Sociedad; Programa Democracia y Transformación Global, 2010. — P. 88–89.
[81] Cuevas Gayosso, J. L. (2010). Derechos indígenas. Antecedentes y perspectivas en el concierto jurídico nacional. La aplicación formal de sus usos y costumbres, p. 2-4

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, непосредственно отвечающие на поставленную во введении цель — установить специфику системы источников права Мексики как составной части ее правовой системы.

Во-первых, именно специфика системы источников права (центральное место кодифицированного закона, развитая иерархия нормативных актов, вспомогательная роль обычая и доктрины) позволяет относить правовую систему Мексики к романо-германской правовой семье и одновременно — к ее особой латиноамериканской группе. Сами эти источники сложились в результате наслоения четырех правовых традиций — индейской, испанской (континентально-романской), французской (кодификационной) и — в части государственного устройства — англо-американской. Подобный синтез предопределил как принципиальное родство мексиканского права с другими европейскими системами континентальной семьи, так и его уникальные институциональные черты.

Во-вторых, вершину иерархии источников права занимает Конституция 1917 года — «политическая» конституция, закрепившая социально-экономические преобразования революционного периода. Конституционная реформа 2011 года качественно изменила правовую систему страны, создав открытый «блок конституционности»: международные договоры в области прав человека вошли в конституционный массив и стали частью «параметра контроля конституционности» наряду с конституционными нормами. В случае коллизии между международным договором и текстом Конституции приоритет сохраняется за последней, что не позволяет говорить о безусловном уравнивании этих источников. Принцип «pro persona» изменил логику правоприменения от буквального следования закону к поиску наиболее благоприятного для личности толкования. В этом смысле мексиканская модель концептуально превосходит замкнутый французский «bloc de

constitutionnalité», не включающий международные договоры в конституционный уровень.

В-третьих, законодательство остается главным формальным источником позитивного права. В основе этой особенности лежит рецепция испанской конституционной модели, прежде всего положений Кадисской конституции 1812 г., которая впервые закрепила примат писаного закона и провозгласила необходимость кодификации права. Трехуровневая система (федеральные законы, законы штатов и «Ciudad de México», муниципальные акты), разветвленная кодификация, основанная на французской модели, и четкий принцип примата федерального законодательства над региональным свидетельствуют об упорядоченности законодательной системы государства. Международные договоры занимают наднациональный, но субконституционный уровень — за исключением договоров в сфере прав человека, вошедших в «блок конституционности».

В-четвертых, наиболее самобытной чертой системы источников мексиканского права служит институт «jurisprudencia» — обязательное прецедентное право, статус которого получил окончательную формулировку в Законе об ампаро 1936 года. Реформа судебной власти, оформленная Декретом от 11 марта 2021 года, изменила механизм формирования института: вместо системы пятикратного повторения была введена система обязательных прецедентов, действующих с момента вынесения первого решения квалифицированным большинством. К числу специфических источников также относится институт «amparo», получивший официальное закрепление в Конституции 1857 года, — уникальный механизм судебной защиты конституционных прав, не имеющий прямых аналогов.

В-пятых, общие принципы права выступают в мексиканской системе второстепенным источником, но конституционно признанным еще в Политической конституции Мексики 1857 года. Эта норма была сформулирована под прямым влиянием испанской цивилистической традиции, которая предписывала судье при отсутствии или неясности закона

разрешать дело на основании общих принципов права. Правовая доктрина формально источником не является, однако активно используется судьями как инструмент толкования. Обычай признается источником права лишь тогда, когда закон к нему прямо отсылает. Такое подчиненное положение обычая утвердилось в мексиканском правопорядке со времени принятия первой национальной кодификации гражданского права — Гражданского кодекса 1870 года, выстроенного по французской модели и воспринятого затем большинством штатов; оно сохранено и в действующем Федеральном Гражданском кодексе 1928 года. Особое место занимает обычное право коренных народов: впервые на конституционном уровне оно было упомянуто реформой статьи 4 Политической конституции, опубликованной в Diario Oficial de la Federación 28 января 1992 года, признавшей плюрикультурный характер мексиканской нации, а в окончательном виде установлено реформой ст. 2 Конституции от 14 августа 2001 года, гарантировавшей коренным народам право на самоопределение и применение собственных нормативных систем (usos y costumbres). Вместе с тем в правоприменительной практике это конституционное признание до настоящего времени реализовано не в полной мере.

Таким образом, специфика правовой системы Мексики состоит в ее синтетическом характере: она органично сочетает романо-германскую кодификационную традицию с открытым «блоком конституционности», интегрирующим международные стандарты прав человека; с обязательной «jurisprudencia», придающей судебной практике нормативный статус; с уникальным институтом «amparo» как инструментом конституционной защиты личности. Именно это сочетание выделяет правовую систему Мексики в романо-германской семье, делая ее одной из наиболее динамично развивающихся и концептуально своеобразных.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года).— Текст : электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» : [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.04.2026).
2. Code civil des Français (Французский Гражданский кодекс) от 21.03.1804//WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23230 (дата обращения: 21.04.2026).
3. Código Civil Federal de los Estados Unidos Mexicanos от 26.05.1928 (с послед. изм.) // Diario Oficial de la Federación. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (дата обращения: 21.04.2026).
4. Código de Comercio de los Estados Unidos Mexicanos (1889, с послед. изм.) // Diario Oficial de la Federación. URL: https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf_mov/Codigo_de_Comercio.pdf (дата обращения: 21.04.2026).
5. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, arts. 40, 133 // Diario Oficial de la Federación. 05.02.1917 (с послед. изм.). URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (дата обращения: 22.04.2026).
6. Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos (texto consolidado publicado en el Diario Oficial de la Federación el 19 de enero de 2018) // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17722.

Судебная практика:

7. Contradicción de Tesis 293/2011 // Suprema Corte de Justicia de la Nación. Pleno. Ministro Ponente: Arturo Zaldívar Lelo de Larrea. Sesiones de 26, 27 y 29 de agosto y 2 y 3 de septiembre de 2013. URL:

https://www2.scjn.gob.mx/asuntosrelevantes/pagina/seguimientoasuntosrelevantespub.aspx?id=129659&seguimientoid=556

8. Decreto por el que se modifica la denominación del Capítulo I del Título Primero y reforma diversos artículos de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos // Diario Oficial de la Federación. 10 de junio de 2011. URL: https://dof.gob.mx/index.php?year=2011&month=06&day=10 (consulta: 28.04.2026).
9. Definitividad. Excepciones a ese principio en el juicio de amparo indirecto // Semanario Judicial de la Federación y su Gaceta. Novena Época. Segunda Sala. Tomo XII. Julio de 2000. Registro digital 191539. URL: https://sjf2.scjn.gob.mx/detalle/tesis/191539 (дата обращения: 28.04.2026);
10. La Tesis LXXVII/99 del Pleno de la Suprema Corte de Justicia y el Esquema de Celebración de Tratados Internacionales // Ex Lege. Universidad De La Salle Bajío. 2012. URL: https://www.lasallebajio.edu.mx/delasalle/contenidos/revistas/derecho/numero_1/docentes_figueroa.html (дата обращения: 22.04.2026).
11. Semanario Judicial de la Federación: официальный реестр судебной практики Верховного суда Мексики. URL: https://sjf2.scjn.gob.mx (дата обращения: 22.04.2026).
12. Suprema Corte de Justicia de la Nación: официальный сайт. URL: https://www.scjn.gob.mx (дата обращения: 22.04.2026).
13. Suprema Corte de Justicia de la Nación. (2022). Cuadernos de Jurisprudencia: Control de convencionalidad. Mexico: SCJN.

Научная литература:

14. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков).
15. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. — М.: Издательский дом NOTA BENE 2000 — 576 с. URL: https://krasinskiy.ru/Bergel.pdf

16. Лафитский, В.И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения. Том 1 : Монография / В.И. Лафитский — Москва, 2021. — 678 с. — URL: https://book.ru/book/946552.
17. Мэйроу, М. К. Латинскоамериканское право: история частного права и институтов в Испанской Америке // M. C. Mirow, Latin American Law: A History of Private Law and Institutions in Spanish America, Austin: University of Texas Press, 2004. URL: https://dokumen.pub/latin-american-law-a-history-of-private-law-and-institutions-in-spanish-america-9780292798441.html.
18. Павлова Н. Г. Законодательство как источник права в правовой системе Мексики.—Москва: Вестник РУДН, серия Юридические науки, № 2, 2013.—10 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-kak-istochnik-prava-v-pravovoy-sisteme-meksiki.
19. Павлова Н.Г. Становление правовой системы Мексики: историко-правовой аспект: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01. — М:, 2002. — 161 с.
20. Право стран Латинской Америки: кодификация материального и процессуального гражданского права: монография / Под ред.: Безбах В.В., Понька В.Ф.— М.: РУДН, 2013.— 482 с.
21. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения [Электронный ресурс] / Ю. А. Тихомиров.—Москва: Норма, 1996. — 432 с. — ISBN 5-89123-042-9.—Текст: электронный.— URL: https://znanium.com/catalog/product/364893 (дата обращения: 13.12.2025).— Режим доступа: по подписке.
22. Arteaga Nava, E. (2024). Manual de derecho constitucional (1ª ed. actualizada). Mexico: Editorial Porrúa.
23. Caballero Juárez, J. A. (Coord.). (2021). La reforma judicial de 2021. ¿Hacia dónde va la justicia? Mexico: UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas.

24. Carbonell, M. (2021). Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos: Comentada (21ª ed.). Mexico: Editorial Porrúa / Centro de Estudios Jurídicos Carbonell.
25. Corona Nakamura, L. A. (2024). La justicia constitucional en México. Mexico: Tirant lo Blanch.
26. Elías Mussi, E., Silva Ramírez, L. La fórmula Otero y la declaratoria general de inconstitucionalidad en el juicio de amparo contra normas // El juicio de amparo. A 160 años de la primera sentencia / coord. E. Ferrer Mac-Gregor, M. González Oropeza. México: UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas, 2011. T. II. URL: https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/7/3066/4.pdf
27. Ferrer Mac-Gregor, E., Henríquez, M., & Morales, M. (Coords.). (2023). El Control de Convencionalidad. Chile/Mexico: DER Ediciones / Tirant lo Blanch.
28. Fix-Zamudio H. Ensayos sobre el derecho de amparo. — 3ª ed. — México: Porrúa; UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas, 2003. — 1102 p. URL: https://recyt.fecyt.es/index.php/AIJC/article/view/45094
29. Garavito Torres, L. X. El Estado federal y la distribución de competencias legislativas en México // Advocatus. — 2022. — № 38. — P. 87–103. — DOI: 10.18041/0124-0102/a.38.9748.
30. Gómora Juárez, Sandra; Ramos Sobarzo, Arturo; Ríos García, Oscar Leonardo; Sánchez Gil, Rubén; Carbonell, Miguel (coord.). El precedente judicial. México: Centro de Estudios Jurídicos Carbonell, 2022.
31. Infante Gonzales, I. (Coord.). (2023). El precedente judicial electoral en México: Reflexiones y perspectivas. Mexico: Tribunal Electoral del Poder Judicial de la Federación (TEPJF).
32. Orozco Torres, Luis Ernesto, «El Derecho internacional y el sistema jurídico mexicano: problemas actuales» (Tesis de Doctorado, Sevilla, 2015).
33. Rosario Rodríguez, Marcos del, «El juicio de amparo: origen y evolución hasta la Constitución de 1917. Tres casos paradigmáticos que determinaron su configuración», México, Instituto de Investigaciones Jurídicas–UNAM,

2017, pp. 124–125. URL: https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/9/4317/9.pdf

34. Salinas Garza, J. A. Introducción al estudio del derecho. Mexico (2021).
35. Sánchez Gil, R. (2022). El precedente judicial en la jurisprudencia de la Suprema Corte de Justicia de la Nación. Mexico: UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas.
36. Santos B. de S. Refundación del Estado en América Latina: perspectivas desde una epistemología del Sur. — Lima: Instituto Internacional de Derecho y Sociedad; Programa Democracia y Transformación Global, 2010. — 154 p.

Учебная литература:

37. Алексеев, С. С. Государство и право : учебное пособие / С. С. Алексеев. — Москва : Проспект, 2015. — 152 с. — ISBN 978-5-392-16283-3. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/54474 (дата обращения: 13.12.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
38. Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 672 с.— ISBN 9785917684673.—Текст : электронный.—URL: https://znanium.ru/catalog/product/1911191 (дата обращения: 10.03.2026).— Режим доступа: по подписке.
39. Марченко, М. Н. Теория государства и права : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 "Юриспруденция" / М.Н. Марченко; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.. — 2. изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2002. — 636, с. : 22 см.; ISBN 5-98032-006-7.
40. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Инт государства и права, Академ. правовой унт. — Изд. 3е, перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 432 с. — (Серия «Библиотека студента»). — ISBN 5466001031 (в пер.).

41. Пиголкин А. С. Теория государства и права : учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев ; под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 516 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-01323-8. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/559574.
42. Полдников, Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник: в 2 томах. Том 2. Современные правовые традиции / Д. Ю. Полдников. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 624 с.
43. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. М.: Юристь, 2007.
44. Теория права и государства: учебное пособие / А.А. Малиновский, В.М. Малиновская, Е.А. Рыжкова и др.; под ред. А.А. Малиновского. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 369 с. URL: https://mgimo.ru/library/publications/teoriya_prava_i_gosudarstva/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.
45. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I. М.: Международные отношения, 2020.
46. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран : учебник / В.Е. Чиркин. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. — 528 с.—ISBN 978-5-91768-640-0.—Текст : электронный.—URL: https://znanium.ru/catalog/product/2225923 (дата обращения: 22.04.2026).— Режим доступа: по подписке.
47. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права. Философия права / Г. Ф. Шершеневич.— Москва : Тип. И.Н. Кушнерева и К°, 1912.— Том 1, Выпуск 4. Часть теоретическая.— 111 с.— Режим доступа: по подписке.— URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104259.

Справочные и информационные ресурсы:

48. Авалос, Ф. А. Исследование мексиканского права и мексиканской правовой системы // Researching Mexican Law and Mexican Legal System By Francisco A. Avalos, 2014. URL: https://www.nyulawglobal.org/globalex/mexico1.html.
49. Конституционализм // Большая российская энциклопедия: электронная версия. URL: https://bigenc.ru/c/konstitutsionalizm-5eb120 (дата обращения: 22.04.2026).
50. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. — М.: Норма, 2003.
51. International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. II: The Legal Systems of the World: Their Comparison and Unification. Tübingen: J. C. B. Mohr; Dordrecht; Boston; Lancaster: M. Nijhoff, 1987.